

1945

КУКУШКА В ГНЕЗДЕ

ДОБРЫЕ ЛЮДИ ГОЛИНА

Задолго до того, как стало известно, что преподобный Джеймс Монро обрюхатил двух женщин (одну в Дримолиге, другую в Клонакилти), он, встав в пресвитерии приходской церкви Богоматери Звезды Моря, заклеил мою мать шлюхой.

Семья наша расположилась во втором ряду. Дед мой сидел ближе к проходу и носовым платком полировал бронзовую табличку с именами его родителей, привинченную к спинке передней скамьи. Он был в выходном костюме, накануне вечером отглаженном моей бабушкой, которая сейчас искривленными пальцами перебирала четки из яшмы и беззвучно шевелила губами, покуда дед не накрыл ладонью ее руку, призывая затихнуть. Справа от бабушки сидели, по ранжиру возраста и тупости, шесть моих дядьев, от темных напомаженных волос которых несло розовым маслом. Сзади было видно, что каждый следующий дядька на дюйм выше предыдущего. Из-за всех сил они боролись со сном, поскольку всю ночь протанцевали, домой явились на бровях, а через пару часов отец их растолкал, чтобы идти к мессе.

В конце ряда, под десятым стоянием Крестного пути, сидела моя мать, у которой от страха перед тем, что ее ожидало, екало в животе. Она даже не осмеливалась поднять голову.

Служба, рассказывала мама, началась в обычной манере: священник пробубнил вступительную молитву, паства неслаженно пропела “Господи, помилуй”. Уильям Финни, сосед мамино семейства, напыщенно прошествовал

к кафедре и, откашлявшись прямо в микрофон, приступил к первому и второму литургическим чтениям, подавая каждое слово с таким драматическим накалом, словно лицедействовал на подмостках Театра Аббатства*. Затем отец Монро, изрядно взопревший под тяжестью одежд и безмерного гнева, восславил Господа и разрешил всем сесть, а раздумывавшиеся служки метнулись на свое место, взбудораженно переглядываясь. Видимо, в ризнице они заглянули в черновик проповеди или подслушали ее репетицию, когда священник облачался в сутану. Либо попросту знали, на какую жестокость он способен, и радовались, что нынче достанется не им.

— С незапамятных времен род мой обитает в Голине, — начал отец Монро, оглядывая полторы сотни вскинутых голов и одну склоненную. — Тут ходил гадкий слушок, что семья моего прадеда жила в Бантри, но никаких подтверждений этому, слава Богу, не нашлось. — Паства откликнулась одобрительным смешком — мол, капля квасного патриотизма еще никому не вредила, — и священник продолжил: — Матушка моя, добрая женщина, любила наш приход. Она сошла в могилу, ни разу не покинув пределы Западного Корка, о чем ни секунды не жалела. Здесь живут добрые люди, говорила она. Добрые, честные католики. И я, знаете ли, не имел повода сомневаться в ее словах. До сегодняшнего дня.

По церкви пробежал шумок.

— До сегодняшнего дня, — повторил отец Монро, печально покачивая головой. — Кэтрин Гоггин здесь? — Он огляделся, словно не зная, где ее искать, хотя все шестнадцать лет каждое воскресенье мать сидела на одной и той же скамье. Тотчас к ней повернулись головы всех мужчин, женщин и детей, пришедших на службу. То есть всех, кроме моего деда, шести дядьев, упорно смотревших перед собой, и бабушки, которая потупилась одновременно с тем, как мама подняла

* Один из самых известных театров Ирландии, славится своими музыкальными и оперными постановками. — *Здесь и далее примеч. ред.*

взгляд, — этакий балансир позора. — А, вот ты где. — Священник улыбнулся и поманил мать: — Будь благонравной девицей и подойди ко мне.

Мать встала и медленно прошла к алтарю, куда прежде подходила только для причастия. Много позже она рассказывала, что лицо ее отнюдь не горело, но покрылось мертвенной бледностью. В церкви, разогретой жарким солнцем и дыханием возбужденных прихожан, было душно, и мать боялась, как бы ей не сомлеть и не грохнуться на мраморный пол, где ее оставят истлевать в назидание ровесницам. Она испуганно посмотрела на священника и, встретив его злобный взгляд, тотчас отвернулась.

— Ну прям паинька. — Отец Монро послал кривую ухмылку пастве. — Сколько тебе лет, Кэтрин?

— Шестнадцать, отче.

— Громче. Чтоб тебя слышали и добрые люди на задних скамьях.

— Шестнадцать, отче.

— Шестнадцать. Теперь подними голову и взгляни в глаза своим соседям. А также отцу и матери, которые ведут достойную христианскую жизнь и ничем не запятнали своих предков. И в глаза своим братьям, которых мы знаем как честных трудолюбивых юношей, ни одну девушку не сбивших с пути истинного. Видишь их, Кэтрин Гоггин?

— Да, отче.

— Если мне еще раз придется просить тебя говорить громче, я влеплю тебе оплеуху, и ни одна душа меня за то не осудит.

— Да, отче. — Мать прибавила голос.

— Да. Сознаешь ли ты, девица, что больше не произнесешь сие слово в церкви? Ибо венчанья у тебя не будет. Вижу, ты прижимаешь руки к своему пухлому животу. Что за секрет там спрятан?

Теперь по церкви пронесся вздох. Все, конечно, догадывались, из-за чего сыр-бор, но ждали подтверждения. Забыв о распрях, друзья переглядывались с недругами, и во всех

головах уже роились презрительные слова: *Уж эти Гоггины! Чего и ждать-то от этой семейки? Он еле-еле умеет расписаться, а она — та еще штучка.*

— Не ведаю, отче, — сказала мать.

— Не ведаешь. Ну конечно. Ты же всего-навсего невежественная потаскушка, в ком разума не больше, чем в крольчихе. И в ком столь же крепки, добавлю, моральные устои. Вы, юные девы, — возвысив голос, священник обратился к пастве, замершей на скамьях, — взгляните на Кэтрин Гоггин и запомните, что происходит с беспутными девками, не берегущими свою честь. Они остаются с пузом, но без мужней заботы.

По церкви прокатился ропот. В прошлом году забеременела девица с острова Шеркин. Скандал был грандиозный. В позапрошлом Рождество то же самое случилось в Скибберине. Неужто теперь и Голин покроет себя подобным позором? Коли так, к вечернему чаю об этом прознает весь Западный Корк.

— Сейчас, Кэтрин Гоггин, — отец Монро взял мать за плечо, больно сдавив ей ключицу, — перед Богом, родными и всеми благочестивыми прихожанами ты назовешь имя малого, который тебя обрюхатил. Ты огласишь его имя, дабы он мог покаяться и получить Господне прощенье. Затем ты уберешься вон из нашего прихода и перестанешь марать честное имя Голина. Ты поняла?

Мать посмотрела на моего деда. Застыв, точно гранитная статуя, тот уставился на распятого Иисуса над алтарем.

— Твой несчастный отец тебе не поможет, — сказал священник, проследив за ее взглядом. — Он тебя знать не желает. Вчера он сам об этом сказал, когда пришел ко мне с постыдной вестью. И пусть никто не осудит Боско Гоггина, ибо он воспитывал детей в соответствии с католическими добродетелями, а посему не в ответе за одно гнилое яблоко в бочке здоровых. Сейчас же назови имя того щенка, Кэтрин Гоггин, назови его, дабы мы могли тебя вышвырнуть и избавиться от необходимости лицезреть твою мерзкую рожу.

Или ты не знаешь его имени? Их было так много, что наверняка не скажешь?

На скамьях недовольно загудели. Молва молвой, но последняя реплика стала явным перебором, ибо бросала тень на сыновей всех и каждого. Отец Монро, за двадцать лет поднаторевший в проповедях, умел распознать настроение аудитории и тотчас сдал назад:

— Нет, я вижу, что благопристойность в тебе еще теплится и у тебя был только один любовник. И ты сейчас же назовешь его имя, не то пеняй на себя.

Мать покачала головой:

— Я не скажу.

— Что такое?

— Я не скажу, — повторила она.

— Не скажешь? Не время изображать из себя скромницу, ясно? Имя, девчонка, или, вот те крест, тебя с позором вышибут из Божьего дома!

Мать подняла голову и оглядела скамьи. Это было как в кино, позже рассказывала она. Все затаили дыхание — на кого укажет обвиняющий перст? Каждая женщина молилась, чтоб прелюбодеем оказался не ее сын. Или, не дай бог, муж.

Мама уже открыла рот и, казалось, вот-вот даст ответ, но передумала и покачала головой.

— Не скажу, — тихо проговорила она.

— Так получай! — Отец Монро зашел ей за спину и наградил мощным пинком, от которого мать кубарем слетела с алтарных ступеней, но, падая, выставила перед собой руки, ибо уже тогда была готова защитить меня любой ценой. — Вон отсюда, шлюха! Уноси свой позор в другое место! Вон! В Лондоне понастроили домов с кроватями для тебе подобных! Уж там ты сможешь перед любым опрокинуться навзничь и раздвинуть ноги, дабы ублажить свою похоть!

Паства поперхнулась восторженным ужасом, мальчишки окаменели, замороженные описанной сценой. Мать поднялась с пола, а священник, багровый от негодования и еще,

наверное, возбуждения, заметного тому, кто знал, куда смотреть, ухватил ее за шкирку и, капая слюной, потащил по центральному проходу. Бабушка оглянулась, но дед ущипнул ее за руку, и она снова отвернулась. Дядя Эдди, младший из шести дядьев, по возрасту ближе всех к моей матери, вскочил и заорал:

— Эй, хватит уже!

На этих словах дед тоже вскочил и ударом в челюсть уложил сына. Мать больше ничего не видела, потому что священник вышвырнул ее на церковный погост и объявил: у нее час, чтобы покинуть поселок, в котором отныне никто и никогда не произнесет имя Кэтрин Гоггин.

Мама знала, что месса продлится еще добрых полчаса, а потому неспешно поднялась с земли и направилась к своему дому, в прихожей которого ее уже, наверное, ждал упакованный чемодан.

— Китти.

Мама удивленно обернулась на голос и увидела, что к ней боязливо подходит мой отец. Пока священник тащил ее по проходу, в последнем ряду она его разглядела и, конечно, заметила, что он, к его чести, красен от стыда.

— Тебе еще мало, что ли? — Мать потрогала разбитую губу и посмотрела на кровь, испачкавшую ее неухоженные ногти.

— Я этого вовсе не хотел. Прости, что втравил тебя в беду.

— Простить? На том свете сочтемся угольками.

— Ну ладно тебе, Китти. — Этим именем он звал ее с самого детства. — Вот тут пара фунтов. — Отец сунул ей в руку зеленые ирландские купюры. — На первое время, чтоб где-нибудь обустроиться.

Мать посмотрела на деньги, потом медленно разорвала их надвое.

— Ну зачем ты так, Китти...

— Что бы тот хмырь ни говорил, я не шлюха. — Мать смяла обрывки в кулаке и швырнула их отцу в лицо: — Забери свои деньги. Склеишь и купишь нарядное платье тетушке Джин в подарок на день рождения.

— Ради бога, Китти, потише!

— Ты меня больше не услышишь. — Мать зашагала к дому, чтобы потом вечерним автобусом уехать в Дублин. — Желаю удачи.

Вот так она покинула Голин, свою родину, на которой вновь появится лишь через шестьдесят с лишним лет — на том самом погосте мы вместе будем искать могилы ее родных, отказавшихся от нее.

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

У нее, конечно, были кое-какие сбережения, запрятанные в носок и хранившиеся в комодном ящичке. Престарелая тетка, умершая за три года до маминого позора, время от времени давала ей мелкие поручения, за которые одаривала десятипенсовиком, и в результате скопилась приличная, по меркам 1945 года, сумма в один фунт и шестьдесят пенсов. Кроме того, остались тридцать пенсов из денег, подаренных к первому причастию, и сорок — на конфирмацию. Мать никогда не была транжирой. Запросы ее были невелики, и потом, о существовании некоторых вещей, которые могли бы ей понравиться, она просто не знала.

Как и ожидалось, в прихожей стоял аккуратно упакованный чемодан, увенчанный поношенным пальто и шляпкой, которые мать переложила на диванный подлокотник, рассудив, что наденет их в дорогу, а воскресную одежду побережет до Дублина. Денежный носок был на месте и тщательно сберегал свою тайну, как мать сохраняла свою до вчерашнего вечера, когда моя бабушка без стука вошла в ее спальню и увидела, что дочь в расстегнутой блузке стоит перед зеркалом, оглаживает выпуклый живот, а на лице ее смесь страха и восхищения.

Старый пес, лежавший на подстилке возле камина, поднял голову и протяжно зевнул, но, вопреки обыкновению,